

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*С.А. РОМАНЕНКО***Югославский миф и российская политическая элита: консенсус или расщепленное историческое сознание?**

Складывание российской государственности после распада Советского Союза требовало формулирования общественно значимых целей внутренней и внешней политики, одновременно создавая условия для отказа политической элиты нашей страны от негативного имперского идейного наследия. К сожалению, постсоветская история продемонстрировала, что возможность выработки основ нового мировоззрения, адекватного глобальным вызовам XXI в., была во многом упущена: политические и общественные лидеры новой России не смогли в полной мере отойти от стереотипов и мифов предшествующих времен, что относится как к представителям демократического лагеря, так и к его оппонентам. С особой ясностью это иллюстрирует их отношение к распаду СФРЮ – одной из ключевых проблем мировой политики 1990-х гг., ставшей камнем преткновения во взаимоотношениях России с США и странами Западной Европы. В предлагаемой статье содержится попытка проанализировать кризисное состояние посткоммунистического общественно-исторического сознания на примере мифологизации политиками нашей страны кровавых балканских событий 1990-х гг.

Реанимированная мифология

В постсоветское время в российском социуме можно выделить несколько системных элементов, занимавших особую позицию относительно конфликтов на территории распавшейся Югославии: исполнительная власть, конфликтовавшая с ней Государственная дума, так называемый политический класс (шире – немногочисленная политизированная часть общества). Причем этот слой распадался на несколько неравных в количественном отношении групп: а) сторонников "великой Сербии" (и ее лидеров типа С. Милошевича или Р. Караджича – создателя моноэтничного сербского государства в Боснии и Герцеговине), убежденных, что эта страна станет оплотом и проводником "антинаповского" курса России в Европе; б) их оппонентов, видевших опасность и нереалистичность такого подхода, стремившихся оценивать ситуацию рационально, с учетом подлинных интересов и возможностей России; в) сознательных "изоляционистов", считавших, что нужно больше заниматься "своими делами", а не далекими Балканами. Взгляды последних в известном смысле совпадали с позицией большинства населения страны, мало интересовавшегося внешней политикой и слабо ориентировавшегося в ней.

Романенко Сергей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН.

Индифферентность подавляющей части россиян к внешним делам вообще и к политике России на Балканах в частности обусловила тот факт, что данные темы практически не использовались в политическом противостоянии в ходе двух общенациональных избирательных кампаний, проходивших в острый период балканского кризиса: выборах в Думу (1995 г.) и выборах президента (1996 г.). Иначе говоря, при всем своем международном резонансе и значении балканский кризис, несмотря на широкое освещение его российскими СМИ, во многом оставался чисто "элитной" проблемой. Однако с конца 1996 г., ввиду усиления в стране внутривнутриполитической борьбы различных сил, активизировались попытки внедрить в массовое сознание проблемы внешней политики, в частности югославский сюжет.

Это было неслучайно. Распад СССР объективно означал для русских известную утрату своего положения в международном пространстве. Они в одночасье остались без союзного государства, которое считали своим; оказались наедине с новыми, трудно воспринимаемыми границами; лишились традиционных союзников и партнеров, но обрели в качестве соседей государственные образования народов, которые не забыли нанесенных им в недалеком прошлом обид. Все это не могло не породить у определенной части русских чувства оскорбленности, униженности, национально-политического поражения, одиночества и даже угрозы национальному существованию.

Чтобы преодолеть сложившиеся психологические комплексы и идейные стереотипы, необходимы были иные мировоззрение и мироощущение, современные концепции национальных интересов и национальной безопасности. Задача обретения нового самоопределения – "адаптации России и россиян к новым условиям", осознания реальных национальных интересов, поиска новых союзников на новых основах в новом мире [Киселев, 2000, с. 246, 248] – стала, однако, решаться с помощью методов, не соответствующих нормам современной демократической политической культуры. Значительная часть российского правящего класса пребывала (и по сей день пребывает) в состоянии идейно-психологической инерции, внешним проявлением которой стал курс на сохранение за страной традиционно понимаемого статуса мировой державы, способной заменить в этом качестве сошедший с международной сцены СССР [Бонин, 2002, с. 200–212]. А типологически сходная с постсоветской ситуация на Балканах в огромном количестве поставляла удобные для субъективных аналогий и необоснованных сопоставлений материалы.

Причем ни одна из противостоящих сил – коммунисты, русские национал-патриоты, представители всевозможных "партий власти", демократы¹ – не имела не только консолидированной позиции о причинах, характере и последствиях коллапса СФРЮ, но и их рационального осмысления. Вследствие чего сторонники того или иного лагеря высказывали свое мнение о происходившем в соответствии со своими собственными, далеко не адекватными представлениями о сути межнациональных отношений, о национально-государственных интересах независимой России в регионе или ее внешней политике. Так, независимо от политической ориентации авторов для большинства высказывавшихся о событиях и процессах в СФРЮ и на постюгославском пространстве были характерны слабая информированность и непонимание сути вещей [Косова, 2000, с. 198].

¹ Необходимо пояснить, что применительно к российским политическим реалиям конца 1980-х – 1990-х гг. строго научный понятийный аппарат еще не сложился. В исторической, политологической, публицистической и мемуарной литературе (в том числе зарубежной) для обозначения одних и тех же сил часто используются различные термины. Приходится также сталкиваться с ситуацией, когда различные политические течения характеризуются одинаковыми категориями ("демократы", "либералы", "реформаторы", "националисты", "державники", "западники", "евразийцы", "славянофилы" и др.). Кроме того, недостаток информации и невысокое качество анализа порой приводят к тому, что упомянутые понятия, многие из которых актуальны исключительно для России, под видом типологизации необоснованно и некорректно переносятся на другие бывшие социалистические государства, включая СФРЮ. Во избежание еще большей терминологической путаницы я использую обобщающие определения с некоторой долей условности.

В результате произошла подмена реальной оценки быстро менявшихся событий декларациями псевдопатриотического или иррационального характера. Возник некий "положительный" сербский стереотип – представление о Сербии как о единственном, верном и вечном союзнике России на Балканах, а о сербах – как о "православных братьях", а также два "негативных" стереотипа – хорватский и мусульманский, исходившие из тезиса об изначальной враждебности "католиков-хорватов" и "мусульман-террористов" к русским и России.

Трезвомыслящие эксперты изначально указывали на опасность культивирования ставших популярными попыток анализа современной международной ситуации с точки зрения геополитики, безраздельно принадлежащей прошлому. И "ориентация России на более тесное взаимодействие славянских народов" с опорой на православный Белград, и спекуляции на тему якобы имманентного противостояния православного, католического и мусульманского "миров" несли угрозу подлинным интересам и стабильности самой многонациональной России: сомнительная неоимперская, националистическая подоплека такой риторики могла негативно сказаться на массовом сознании [Михайлов, 1995, с. 163–168; Пархалина, 2000, с. 120].

О возможности распространения и господства идей национализма в посткоммунистический период предупреждали многие ученые, утверждавшие, что "с закатом марксистско-ленинской идеологии можно было вполне ожидать возрождения патриотизма" [Лакер, 1994, с. 143]. Между тем, возникнув, националистическая идея развивается, подчиняясь своей собственной логике, постепенно превращаясь из орудия борьбы со злом внешним в инструмент мобилизации против внутреннего врага, способствуя возрождению гарнизонной ментальности в "патриотических" массах. Собственно, зерно этой эволюции содержится в ней изначально – в поиске третьего, специально "русского" пути между демократией и "душевным патриотизмом" [Янов, 1988, с. 321]. И тут необходимо подчеркнуть, что в сознании значительной части общества, ориентированной на имперское и советское прошлое, "патриотизм" воспринимался как синоним "русского национализма" (хотя на самом деле – это принципиально различные по содержанию и функции понятия).

Опираясь на исследования специалистов, можно очертить круг идей и понятий, составляющих "русскую мифологическую модель", разработанную в 1950–1980-е гг. представителями "национальной правой" как в недрах партийного аппарата, так и в оппозиционном подполье. В первый период существования постсоветской России в соответствующем образе настроенной среде оказались востребованными следующие концепции: нации-личности как "неотъемлемого Божьего замысла о мире", оправдывающей "национальный изоляционизм и стратегию невмешательства в дела человечества"; демократии как исторического извращения, возникшего из великой ошибки Возрождения и свергнувшего человека в тупик безверия и анархии; двух свобод – внутренней и внешней, ведущих к противопоставлению свободы нравственной (как исторической цели нации) свободе интеллектуальной и политической; просвещенного авторитаризма как альтернативы, с одной стороны, тоталитаризму, с другой – демократии.

Отсюда вытекала трехэлементность современного мира – угрожающий тоталитарный Китай, гибнущий демократический Запад и усиливающийся воспреснувший в просвещенном авторитаризме Россия. Ее новая "жертвенная" элита, воспитанная "не столько в библиотеках, сколько в нравственных испытаниях", призвана, вступив в диалог с вождями, обеспечить национальное возрождение страны. Сами же русские – избранный народ, сохраненный Богом в жесточайших испытаниях, ниспосланных в ходе истории (сами испытания превращаются, таким образом, в свидетельство избранности) [Янов, 1988, с. 200, 235, 307]. Другими словами, новая русская идея – «это совокупность рефлексий русского общества о самом себе, весьма отличающихся друг от друга в разные периоды истории ("Москва – Третий Рим", византизм и панславизм, триада "православие – самодержавие – народность", евразийские искания русской философии первой трети XX в.)» [Левкиевская, 2000, с. 74–75]. К этому необходимо добавить и отождествление этнического и конфессионального самосознания: этнонимы "рус-

ский" и "серб" являются синонимами метаэтнонима "славянин" и конфессионима "православный".

Описанный комплекс "высоких" идей, свойственных бывшей государствообразующей этнической общности, на уровне обыденного сознания трансформируется в ряд более простых представлений, трактуемых как, якобы, подтвержденная научными изысканиями истина. Вот основные из них:

- исконность данных этнической культуры и языка; этническая преемственность и/или автохтонность народа на данной территории в максимальных границах;
- расширительно трактуемое этническое единство (различные формы панславянской идеологии);
- тождество этнической, государственной и экономической общностей;
- выстраданное в борьбе с "заклятыми врагами" право народа на особые формы своей национальной (как правило, моноэтничной) государственности, автоматически гарантирующей гражданские свободы и социальную справедливость [Шнирельман, 2000, с. 22–23].

Все эти идеи, мифы, предрассудки, этнические стереотипы, фобии, фиили, иллюзии и иные содержательные и структурные образования, вносимые затем в массовое сознание, в политической практике ведут к погоне за миражами и химерами, построению утопий. Слова "духовность", "братство", "славянство" и производные от них превратились в постсоветском политическом лексиконе применительно к Югославии в новые ключевые слова. В устах их носителей эти термины подчеркивали положительные черты новой "общности" двух народов. Они заменили господствовавшие в советском лексиконе положительные клише ("интернационализм") или слова-проклятия ("троцкизм", "фашизм", "ревизионизм"), относившиеся к Югославии. Иной стала и функция новых символов-клише: подчеркивались уже не различия, а общность перед лицом вызовов со стороны "враждебного" внешнего мира, определялись новые границы черно-белого мировоззрения по шаблону "наши – не наши".

Относительно широкое распространение подобных идей обуславливалось несколькими причинами. Прежде всего, к началу 1980-х гг. «властям в целом удалось разгромить символ "западного влияния" в СССР – правозащитное движение», подошедшее к началу перестройки ослабленным. И хотя демократические настроения получили в обществе определенное распространение, либеральное крыло так и не сумело восстановиться, преодолеть раздробленность и, самое главное, выработать стройную концепцию развития страны. В результате именно "русская партия" оказалась практически единственной структурированной силой, противостоявшей коммунистам. Далее, ее усилия с 1982 по 1991 г. сосредоточились "на захвате и укреплении позиций в литературной среде, несмотря на то, что период перестройки, особенно на раннем этапе, предоставил ее членам уникальные возможности для участия именно в политическом процессе принятия решений". Это позволило шовинистическим силам, использовавшим плоды политической либерализации, заметно расширить свое влияние на массовое сознание и организационно оформлявшиеся тогда общественные структуры [Митрохин, 2003, с. 552, 557; Костырченко, 2003, с. 699]. И как показали события 1990-х гг. и начала XXI в., проиграв в тот момент тактически, националисты выиграли стратегически, тщательнее либералов разработав свою идеологию и сохранив средства ее пропаганды. К слову, это позволило и позволяет им с лихвой вернуть утраченные политические позиции.

Лики постсоветского этнонационализма

Все эти мифы и стереотипы, сложившиеся в нашем не только научном, но и общественном национально-историческом сознании, к сожалению, в значительной степени легли в основу оценки событий на Балканах нынешним российским политическим истеблишментом. К ним добавились и многочисленные предрассудки и стереотипы, доставшиеся нам в наследство от Российской империи и СССР, а также модные ныне

общие политологические и социологические схемы и исторические аналогии, которые, как показывает практика, часто оказываются очень далекими от конкретной исторической и политической реальности.

Национал-патриотичный югославизм. Эти общие обстоятельства не могли не сказаться на ходе и содержании дебатов о ситуации на постюгославском пространстве, в которых подспудно доминировали националистические мифы. Данный факт позволил некоторым политологам сделать заключение о складывании в постсоветской политической элите общенационального консенсуса, правда, неестественного свойства – на почве иррационального восприятия балканских событий, доминантой которого было стремление взять под покровительство православных братьев-сербов [Межуев, 2000, с. 466]. Правда, ни после Первой, ни после Второй мировых войн сербы никогда и не находились под опекой России (и не считали себя таковыми). Поэтому отношение к событиям на Балканах в рамках отмеченного "консенсуса", скорее, отражало общее состояние отечественного разрушенного и находившегося на перепутье национального сознания, которому еще только предстояло выработать новое реальное представление о месте и роли России в современном мире. Но как бы то ни было, в общей сумятице голоса представителей национал-патриотического лагеря звучали наиболее слаженно и по-своему последовательно, хотя между отдельными толками внутри него прослеживается ряд отличий.

Так, наиболее консервативно, а отчасти реваншистски настроенная часть населения России и отражающие ее интересы и настроения политики, ученые и литераторы обратились в поисках ответов на вызовы современности к опыту дореволюционного времени. Существенными элементами и внешней политики, и общественных настроений стали пропаганда идеологии и распространение психологии "православной общности" всех славян. Наследники русских националистов XIX – начала XX в. идеализировали дореволюционную Россию, представляя себя продолжателями ее политики, отождествляли прошлое и нынешнее положение и интересы русских и сербов. Рост панславистских идей проявился в отождествлении славянства и православия, в противопоставлении "славяно-православного" Востока Европы "католическому" Западу и мусульманству в мировом масштабе, в неприятии "западных" ценностей.

При этом идеологи националистического направления конца XX в. – "неопанслависты", намеренно забывая об очень сложных отношениях между Санкт-Петербургом и Белградом в течение всего XIX в., культивировали весьма своеобразные, не соответствовавшие реальности представления о сути происходившего на территории распавшейся Югославии и о связях и взаимозависимости России и Балкан. Они считали, например, "нормальным" для России "тяготение" к религиозно- и, соответственно, культурно-родственным ей Балканам. При этом инославные христианские народы этого региона – хорваты и словенцы, не говоря о мусульманах – босняках, "рассматривались не как славянские сестры, а, напротив, как враг, и даже более, как жало врага, которое будет пущено в ход в первую очередь" [Петров, 2001, с. 135].

В подобном контексте было легко формулировать примитивные аналогии между национальной идеологией позапрошлого и прошлого столетий. Солидарность теперешних националистов с православными сербами в их борьбе с хорватами, мусульманами и Западом как бы ассоциировалась с поддержкой российским обществом антитурецкого восстания в Сербии 1876 г., с массовым наплывом туда русских добровольцев, Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и дипломатическим противоборством Российской Империи с европейскими державами на Берлинском конгрессе 1878 г.

Впрочем, в начале 1990-х гг. такие словесные ухищрения не привели к оживлению массовых панславистских настроений. "Русская партия" (чьи отдельные представители еще с советских лет рассматривали "другие славянские народы братьями по духу и общей судьбе", надеясь на взаимность этих чувств) организовывала славянские фестивали не только в Москве, но в Рязани и Смоленске, создавала культурные фонды, проводила политические конференции с участием иностранных гостей. Однако все эти мероприятия не вызвали большого общественного резонанса. Возможно,

из-за ощущения, что "славянские братья" внутри и вне прежнего Советского Союза не проявляют особого интереса к тесным связям с Россией. В результате организаторы перечисленных мероприятий поневоле пришли к выводу, что "со временем могут возникнуть некие общие интересы, если не с правительствами западных славянских стран, то с группами, также отвергающими капитализм, либерализм и западный образ жизни" [Лакер, 1994, с. 243, 111, 115].

Более распространенным и, как мы увидим далее, отчасти более влиятельным отрядом националистических настроенной части российской элиты стало "неоевразийство" – так называемая "реалистично-патриотическая" оппозиция "предательскому внешнеполитическому курсу на интеграцию в западное сообщество" [Кулагин, 2002]. В этой группе "более ощутимым стало влияние прагматизма, который строится на приоритете относительно устойчивых, базисных геополитических интересов России как державы многоэтничной и евроазиатской", лучшим условием обеспечения которых в сфере международной политики является определенная либерализация экономической и отчасти политической системы, доставшейся в наследство от коммунистической тоталитарности [Этап... 1994, с. 90–91].

Такое "демократическое" неоевразийство (или "национал-демократия") возникло как бы в противовес официальному ельцинскому (точнее – козыревскому) прагматизму как попытка вновь утвердить и защитить некую особую миссию России и ее призвание. По мнению некоторых экспертов, воскресшая евразийская идея выступала аналогом панславизма XIX в. [Межуев, 2000, с. 451, 448]. Эта аналогия оправдана лишь отчасти. Неоевразийство конца XX и панславизм как конца XIX, так и конца XX в. по своим принципам прямо противоречат друг другу, хотя имеют одинаковую цель – сохранение России как империи и в этом смысле играют в политическом сознании одинаковую роль. Однако даже современный "панславизм" вовсе не поглощен (к тому же – не единым) "неоевразийством" и ведет в рамках национал-патриотического, имперского сознания самостоятельное существование.

Впрочем, не стоит преувеличивать различие оттенков мнений внутри националистического лагеря. Да, конечно, одни его представители поддерживали режим и политику национал-коммуниста Милошевича в Сербии (и симпатизируют ему до сих пор), другие тяготеют к откровенным шовинистам типа В. Шешеля или Караджича, третьи ориентируются на сторонников реставрации сербской монархии вроде В. Дражковича. Объединяет их всех то, что, во-первых, все русские националисты, преисполняясь "братской любовью" к народу и стране, о существовании которых они еще недавно и не вспоминали, старались направить российскую внешнюю политику на их поддержку. Во-вторых, и неопанслависты, и неоевразийцы, и национал-демократы рассматривали и рассматривают события в Югославии и вокруг нее сквозь призму своих политических иллюзий и этноконфессиональных мифов, проецируя это мифотворчество на сугубо российские и постсоветские процессы и реалии.

В контексте сказанного целесообразно вернуться к вопросу о распространении разнообразных националистических концепций среди отдельных группировок российского политического класса. К неоднократно упоминавшимся социально-политическим факторам стоит добавить и следующее прискорбное обстоятельство. К сожалению, "в России границы между наукой, паранаукой, спекуляцией и оккультизмом слишком часто стираются. Это касается в особенности гуманитарных наук. В последнее время тенденция к расплывчатому пониманию науки/научности усиливается благодаря влиянию постмодернизма" [Хагемейстер, 2000, с. 107–108]. Увлечение постмодернизмом с его "сомнениями в реальности, достоверности и познаваемости исторического факта" усугубляло превалирование в "традиционно консервативных кругах националистически-славянофильского и евразийского толка внеисторического, субъективного подхода к предмету, нуждающемуся как раз во всестороннем, объективном и учитывающем факт культурно-исторической эволюции изучении" [Мыльников, 2000, с. 7]. К этому надо добавить, что сходство в принципах функционирования научного знания и мифологием создает питательную среду для создания новых, прежде всего наукообразных, –

политических и исторических – мифов. И этот тип мифов с середины 1990-х гг. в России стал неотъемлемым инструментом политического манипулирования настроениями населения, на чем, в свою очередь, основываются отечественные политические технологии. Все это вместе взятое дает представление о том, с какими трудностями пробивает себе дорогу неидеологизированное и немифологизированное научное знание в российской политике.

От пролетарского интернационализма к "великосербскому" патриотизму. Влияние "национального" подхода в значительной мере испытали сторонники коммунистических идей (и это – несмотря на то, что многие из них еще относительно недавно повторяли содержавшуюся в Программе КПСС негативную оценку буржуазного национализма). Противоречивость оценок коммунистами югославского конфликта тесно связана с неоднократно упоминавшимися особенностями современного российского общественно-исторического сознания: рассмотрением распада Югославии и образования на ее месте нескольких независимых государств как навязываемого "мировым империализмом" передела мира, начатого после краха СССР. Как и националисты, коммунисты видели в балканском конфликте эпизод глобальной войны, носящей "анти-русскую", "антиславянскую" направленность, выдвигая тем самым на первый план, вопреки программному атеизму, религиозный фактор – якобы существующий "заговор" мусульман и католиков против православных. Ибо в глазах коммунистов многонациональная и полиэтничная СФРЮ ассоциировалась исключительно с сербским национальным и этническим государством, а возникшая на ее месте СРЮ (государство, состоящее только из Сербии и Черногории) рассматривалась как "жертва" сепаратизма, с одной стороны, и "мирового заговора" – с другой.

Одержимость мессианством представителей коммунистического лагеря привела их к убеждению, что новая Россия и в нынешних исторических условиях должна играть на балканской арене роль СССР. Делаются попытки реанимировать идейное наследие И. Сталина, "обогащенное" утопичной политико-философской концепцией Н. Данилевского о противостоянии России Европе и объединении всех славянских государств. В результате подобных ухищрений возникла чудовищная по нелепости и отсутствию логики смесь оценок событий недавнего прошлого. Причем при этом оказались забытыми обстоятельства взаимоотношений тоталитарно-коммунистических режимов СССР и СФРЮ.

Так, российские коммунисты, словно забывав, что именно их кумир Сталин считал И. Броз Тито "националистом", высоко оценили деятельность последнего по борьбе против "национализма" и "сепаратизма", которые он "держал в узде". Чтобы лишний раз не тревожить тень "вождя и учителя", конфликт 1948–1953 гг. между СССР и СФРЮ преподносится как некоторые разногласия относительно путей государственного строительства в социалистических странах Восточной Европы. Ориентация Тито на Запад (заключение экономического и военного соглашения с США, позволившее ему сохранить экономическую самостоятельность и политическую независимость страны перед лицом прямой угрозы советского вторжения), в свое время рассматривавшаяся советским руководством "как отступление от принципов марксизма-ленинизма, как проявление ревизионизма", выносилась за скобки во имя "инструментального" подхода к судьбе Югославии и ее народов. Ибо в рамках концепции советского великодержавия и этнического национализма этой стране отводилась определенная роль. Оказывается, "после Второй мировой войны цивилизационная граница вернулась на свое естественное место (*sic!* – С.Р.), охватывая родственные России славянские народы Польши, Чехии, Словакии, Югославии и Болгарии" [Рыжков, Тетекин, 2000, с. 29–30, 70]. Иначе говоря, подобные рассуждения в стиле балканской геополитики конца XIX – начала XX в. или времен "холодной войны" вопреки реальности превращали СФРЮ (или Сербию) в форпост СССР (или России) на юге Европы.

Соответствующие миссии возлагались политиками коммунистического толка и на государствообразующие этносы упомянутых стран – русских и сербов, "обрекаемых" на братство. Вследствие чего в 1993 г. депутаты Верховного Совета РФ С. Гло-

тов и О. Румянцев вполне в духе теорий Данилевского предложили "организовать постоянно действующую конференцию духовно близких народов" и в ее рамках подумать о создании «какого-то парламентского блока или объединения депутатов различных стран с условным названием "Славянское единство"». Не зная и не понимая истории и причин распада СФРЮ, они полагали, что подобное объединение "способствовало бы решению таких конфликтов". За этим предложением последовала публикация газетой "Правда" обращения коммунистов "к братьям славянам", призывавшего к созданию комитетов оказания помощи Сербии, если парламент РФ отменит существовавшие в отношении этого санкции. Сходные воззвания печатались и газетой "Советская Россия", и другими, менее популярными и тиражными изданиями соответствующего направления [Югославский... 1993, с. 263, 291, 401–403].

Это указывает на "абсолютно органичное слияние так называемых коммунистов с так называемыми патриотами, произошедшее на основе выполненной консервативными кругами интенсивной работы по реанимации старого мифа, со всеми привычными идеалами, постулируемыми ими" [Левандовский, 2000, с. 155]. И тех и других объединила ностальгия по "активной", то есть великодержавной политике нашей страны на Балканах, одним из компонентов которой выступала поддержка сербского регионального гегемонизма. Естественно, представители обоих российских политических направлений одинаковым образом заблуждались относительно перспектив такого оборота событий: приди к власти в Москве и Белграде силы, проводящие политику великодержавия и этнонационализма, прямой конфликт между Россией и Сербией становился бы неизбежным.

Искушение "либеральным империализмом"². Хуже, однако, что подпитываемый югославским конфликтом иррациональный этнонационализм оказал деструктивное воздействие на ту часть российской политической элиты, которая относилась, по крайней мере, номинально, к демократическому лагерю. В определенном смысле его представители оказались не готовыми к идейному противоборству с "национально мыслящими интеллектуалами". Отечественные реформаторы, некритично заимствовавшие многое у западных теоретиков либерализма, как и их наставники, "недооценивали национализм как политический и психологический феномен... были склонны рассматривать его как идеологическое отклонение, или как искусственно внедренное зло" [Старовойтова, 1999, с. 19–20].

По меньшей мере опрометчивым следует назвать тот факт, что находившиеся в то время во главе государства сторонники демократического развития России, стремясь добиться перевеса над своим главным, как им казалось, противником – коммунистами, попытались компенсировать свой проигрыш в борьбе за умы населения частичным заимствованием идейных установок псевдопатриотов. Коль скоро более половины россиян "продолжали считать Россию сверхдержавой и ощущали потребность в соответствующей идеологии" [Киселев, 2000, с. 248], правящая группа продемонстрировала готовность апелляции к мессианским категориям прошлого, но трактуемым либерально.

Так, официальное отношение России к югославским делам, называемое по имени неоднократно озвучивавшего его Министра иностранных дел РФ тех лет А. Козырева "kozyревским прагматизмом", как оказалось, строилось на все тех же постулатах о "евразийском" характере российского государства, о "культурной идентичности и цивилизационном выборе страны как основных критериях ее национального интереса", о недопустимости установления в регионе гегемонии США, ведущей к "сползанию мира к глобальному хаосу", об особых интересах и роли России как великой державы на Балканах и т.п. Не менее симптоматичным было и то, что одним из пер-

² Термин "либеральный империализм" используется мной сугубо условно: под ним подразумевается исключительно заимствование российскими политиками, относимыми к либеральному лагерю, великодержавно-имперской риторики из арсенала националистов.

вых оппонентов козыревской концепции российской политики с позиции "национальной миссии" стал видный в то время демократ, политический советник Президента РФ С. Станкевич [Межуев, 2000, с. 451]. Эти дословные совпадения в оценках характера грядущих перспектив российского государства непримиримых, казалось бы, противников – демократов и националистов – наглядное свидетельство весьма прискорбного факта. В мировосприятии представителей "либерального" и "западнического" истеблишмента легко нашлось место не соответствующим эпохе и интересам страны стереотипным, мифологическим в своей основе клише³.

Отчасти такие суждения, конечно, были связаны с недостаточным знанием реального положения дел на югославском и постюгославском пространстве, характерным и для политиков демократической ориентации. Однако в большей степени их тяготение к этнонационалистическому мифу было обусловлено контекстом политических процессов в России. Формировавшееся не столько на глубоком осмыслении подлинно либеральных ценностей, сколько на отрицании по сути внешних атрибутов и установок советского строя, отечественное "западничество" 1990-х гг. легко угодило в объятия альтернативного ему "неоевразийства". Сравним: националистическая мифологическая модель зиждется на представлении о России (или одной из ее ипостасей – СССР) как о мощной сверхдержаве, способной отстаивать свои внешние интересы, социальную защищенность простого народа, "порядок", безопасность и стабильность жизни в противостоянии с Западом как главным планетарным злом; западническая же мифологическая модель основывается на представлении о "золотом веке" России в светлом будущем, когда "нецивилизованное русское общество", отказавшись от своих ущербных, отсталых, дремучих традиций примкнет к "цивилизованным странам", превратившись в неотъемлемую часть западного мира [Левкиевская, 2000, с. 72–73].

В результате различие между "либералами" и "националистами" в подходах к балканской трагедии в итоге свелось лишь к тактическим вариантам внешнеполитического курса. Первые придерживались точки зрения, что РФ, чтобы не утратить статус сверхдержавы, должна следовать в русле общеевропейской политики (подразумевая при этом, что культурная близость к Европе предполагает отождествление политических интересов России и Запада). А вторые были убеждены, что ей с той же самой целью следует определять свои внешнеполитические интересы, как минимум, независимо от европейских держав.

Одним словом, балканский кризис выявил типологическое сходство "национальной" и "коммунистической" модели, с одной стороны, и "либеральной" мифологической – с другой. Они оказались почти зеркальным отражением друг друга, поскольку "в основе обоих мифов лежит позитивистская идея прогресса как единственного мерила полноценности того или иного этноса или общества" и оба они исходят из существования двух противоположных общественно-культурных образований – России (СССР) и Запада [Левкиевская, 2000, с. 73–74]. И в этой связи неудивительно, что политика правящих в России в 1990-е гг. кругов, основанная на некоем "либеральном империализме", привела к уменьшению влияния России на Балканах, превратив югославский конфликт в мелкую разменную монету в игре между различными политическими силами внутри страны.

"Как слово наше отзовется?"

Итак, нетрудно видеть, что большинство направлений политической и общественной мысли в России рассматривали/рассматривают ситуацию в Югославии как минимодель дезинтеграционных процессов в СССР и России, как полигон для отработки Западом политики по отношению к постсоветскому пространству, отождеств-

³ Совпадения некоторых оценок при обсуждении внешнеполитических, в особенности славянских и балканских проблем, встречались у российских либералов и националистов и в конце XIX – начале XX в. (вспомним Б. Чичерина и К. Леонтьева). Однако это были лишь внешние совпадения, поскольку в их основе лежали абсолютно разные идеи [Хевролина, 1999, с. 277].

ляя Словению и Хорватию – с республиками Балтии и Украиной, а Россию и русских – с Сербией и сербами и т.п. [Романенко, Улунян, 2001, с. 280]. Ошибка у всех этих групп и их идеологов одна и та же, но ее причины различны. Если у одних преобладает тяга к национальному или коммунистическому мифу, то у других – стремление свести все историческое и национальное своеобразие к упрощенным социологическим и политологическим схемам. Ими абсолютизируются отличительные черты посткоммунистической стадии развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, совпадение политической ситуации, но при этом упускаются обусловленные историческим, этническим, региональным развитием особенности. За всем этим кроется отсутствие в российском сознании реального чувства истории. Все это, в конце концов, ведет к потере правильной ориентации, к искаженному видению места и роли народов, населяющих российское государство.

Выделенные тенденции – яркое свидетельство того, что травмированное издержками развития Российской империи, а затем и СССР общественное сознание населения нашей страны (особенно его русской части), утратив адекватные представления о ее историческом пути и развитии государственности, стало расщепленным. Причем наиболее деформированные его "компоненты" по существу вытеснили этноисторический миф, который по своей природе и сути не может выполнять функции общенациональной (гражданской) идеологии. Вместо этого отдельные группы населения произвольно выбирают в прошлом объект (им может быть этап в истории или персона, достойные подражания или обожания), а затем начинают его абсолютизировать, метафизически вырывая из исторического, географического и культурного контекстов. Одни отдают предпочтение Российской империи, другие СССР, но в обоих случаях – периодам, связанным в основном с сильным правителем, не ограниченным законом или иными элементами политической системы.

В подобной схеме категория "народ" (в трактовке германской философии XVIII – начала XIX в. – *С.Р.*) наделяется некими неизменными вечными чертами, качествами, интересами и ценностями. Отсюда – широкое распространение так называемого "цивилизационного подхода" [Хантингтон, 1997], не всегда правомерно отождествляющего такие принципиально разные, хотя и взаимосвязанные явления и понятия, как национальное и региональное самосознание, конфессиональная принадлежность, культура и цивилизация. При этом для большого числа русских новой моральной основой (хотя зачастую и формально) стало православие, а история своего этноса и государства отождествилась с этногенезом, что характерно для сознания, восходящего к архаичным формам. Отсюда и распространенность архаичных форм "пансознания" – метаэтнического общеславянского и религиозного, причем славянская полиэтническая общность часто совершенно неоправданно отождествляется с православной [Русско... 1998].

От наследия прошлого не смогло освободиться не только обыденное, но и профессиональное (гуманитарное) научное сознание, не говоря уже о политическом. Очень часто приходится сталкиваться с исторически некорректными схемами, "моделями", "историческими" параллелями и аналогиями, упрощенно понимаемой "циклическостью", вытеснившей формационную теорию. На смену марксизму-ленинизму с его претензиями на универсальность приходят новые "универсальные" схемы, пригодные для решения "всех проблем всех времен и всех народов". Широко распространились такие приемы, как перенос в социальные и гуманитарные науки логики, понятий, методов и приемов из естественных и технических наук. Иное дело, что носители таких идей, стремящиеся к воссозданию "величия" своего этноса и его государства, добиваются прямо противоположного результата, независимо от того, под каким концептуальным знаменем они выступают.

К сожалению, дихотомичность процесса развития социума приводит к тому, что в условиях идеологического "полураспада" и расщепленного сознания представители российского либерального и демократического лагерей, "упустившие" распространение этнонационализма, в дальнейшем противопоставили ему две столь мифологи-

зированные концепции. Первую из них можно назвать *этническим нигилизмом* – по существу непризнанием объективного существования этнических общностей и отличных от сугубо социальных законов их развития. Суть этого подхода сводится, во-первых, к представлению о том, что этнические процессы не имеют собственной логики возникновения и развития. Во-вторых, они рассматриваются либо как детерминированные экономикой, либо – как результат заговора и интриг⁴. Тем самым отрицается объективная данность этнических общностей и протекающих в них с течением времени изменений. Не менее широко распространено увязывание межэтнических конфликтов с низким уровнем жизни, а само национальное самоопределение рассматривается с точки зрения экономической целесообразности. Право на него представители данного направления оценивают как опасную и антиправовую максиму. В связи с чем ими выдвигается требование «резко ограничить область, охватываемую понятием "самоопределение", прояснить совершенно неясный вопрос о субъектах этого права, найти ему определенное и достаточно скромное место в обновленном международном праве» [Ковалев, 2000, с. 213].

Возможно, сферу применения этого юридического принципа и политического лозунга необходимо сузить, чтобы не дать возможности радикальным и экстремистским силам провоцировать вооруженные конфликты. Равно как и уточнить понятие субъекта этого права (если это будет возможно – учитывая объективные различия между регионами, государствами и народами). Но остановить национальное самоопределение как этноисторический процесс невозможно. Это было бы равносильно предложению вообще отменить историческое развитие. Кроме того, в полиэтнических государствах, особенно тоталитарных и авторитарных, такое самоопределение – необходимый элемент демократизации сознания.

Вторая концепция – *абсолютизация принципа этнического самоопределения*, наиболее ярким выразителем которой была одна из выдающихся представительниц демократического движения в СССР и РФ Г. Старовойтова. Относя СФРЮ (так же как и СССР) к унитарным, а не федеративным государствам, и анализируя возможные критерии законности самоопределения населяющих ее этносов, она предлагала считать таковыми "невыносимость существования" народа в составе существующего многонационального государства, историческое право, этническую совместимость групп населения, народное волеизъявление и ответственность за последствия [Старовойтова, 1999, с. 112–119]. Полемика о сути подобных критериев выходит далеко за рамки данной статьи, поэтому ограничусь здесь лишь констатацией факта, что категория "историческое право" на рубеже XX–XXI вв. вряд ли может рассматриваться как весомый аргумент. Также трудно согласиться с критерием "ответственности за последствия": лозунгом национального самоопределения в подобной трактовке могут как раз воспользоваться и силы, выступающие за создание "этнически чистых государств", – политики с устремлениями, прямо противоположными демократии. А апелляция к проектам Вэнса–Оуэна и Оуэна–Столтенберга по разрешению кризиса в Боснии и Герцеговине не может служить доказательством правоты тезиса о необходимости восходящего к этничности принципа организации государственного пространства,

⁴ Замечу, что этнический нигилизм – явление не новое. В жизни Европы после Второй мировой войны феномен "денационализации", то есть "отрицания национального начала", отметил еще российский философ Ф. Степун. Признавая, что "оспаривать лживость и грешность национализма и его ответственность за тяжелое и одновременно преступное положение мира явно невозможно", он обоснованно возражал сторонникам такой точки зрения, что это "никому не дает права отрицать положительного значения нации как некоего своеобразно-соборного (естественно, не в смысле современных национал-патриотов. – С.Р.) облика многоликой человеческой культуры. Ошибка недостаточно строгого разделения понятий нация и национализм, а также и личность и индивидуальность, постоянно встречается в острой, резвой часто, но и весьма поверхностной европейской публицистике. Как-то никому не приходит в голову самоочевидная мысль Соловьева, что нация относится к национализму, как личность к эгоизму" [Степун, 2000, с. 941].

поскольку это были вынужденные военно-политическими обстоятельствами проекты временных решений.

Приходится также констатировать, что обе концепции, отрицающие этнонационализм, помимо своей взаимной противоречивости, страдают еще одним существенным изъяном. Как и их антипод, они, увы, восходят к устаревшим представлениям не только о сути, но и о правовой подоплеке этнических процессов. «Многие ныне действующие международно-правовые нормы и процедуры, само их понимание – продукт прошлого (теперь уже позапрошлого. – *С.Р.*) века; к тому же оно отражает принцип "абсолютного суверенитета", порядки стран с авторитарной властью, позволявшие под прикрытием указанного принципа творить в своей стране что угодно» [Алексеев, 1999, с. 165]. Поэтому и происходит объективно обусловленное и трудноразрешимое в современном контексте столкновение принципов: национального самоопределения, абсолютного суверенитета (невмешательства во внутренние дела), нерушимости границ и прав человека.

Вдобавок и нигилизм, и абсолютизация роли этнических процессов основаны на представлении о неизменности как внутренней сущности и характера этноса, так и его интересов. Но, как учит опыт той же Югославии, да и наш собственный, это ведет – правда, с иной стороны – к антидемократизму и росту конфликтности. Легко понять, что тот же этнический нигилизм тесно соседствует с концепцией "либерального империализма", которая, по крайней мере в российском варианте, основана на непонимании исторической закономерности возникновения национальных движений народов многонационального государства (империи), в том числе тех, что отождествляют самоопределение с полным государственным суверенитетом.

Выше уже отмечалась склонность части ученых, экспертов и политиков к "инструментальному" восприятию национализма и далеко не всегда обоснованным и оправданным сопоставлениям, когда за деревьями обобщений не видят леса национальных, региональных и исторических особенностей. Не оправдывает себя и перенос западно-европейских или американских концепций, возникших в совершенно иных условиях и государствах, базирующихся на ином опыте, иных традициях, на СССР и Россию, на СФРЮ и СРЮ – федеративные, многонациональные, полиэтнические и поликонфессиональные государства. В результате вместо реального знания возникли и продолжают возникать новые наукообразные мифы, которые через СМИ широко распространяются в российском обществе, лишая его рациональной и реалистической оценки своего места, интересов и возможностей на новом этапе развития процесса национального самоопределения [Романенко, 1997; 2000].

Российское историческое сознание психологически оказалось не готовым принять, переварить и рационально осмыслить поступающий материал, содержащий негативную информацию о нашем прошлом. В результате произошло его неизбежное отторжение, и на политическую сцену вышла масса малообразованных людей, начавших через СМИ распространять свои собственные предрассудки и комплексы, навязывать другим людям свое невежество и с гордостью демонстрировать темные стороны своего сознания. Увы! Мы не знали и по сию пору не знаем общества, в котором живем. Следовательно, мы живем в закрытом обществе, не только вовне, но и изнутри, закрытом для нас самих. Согласно опубликованным данным, манипуляции историческим сознанием продолжаются. В этом смысле мы не только не ушли от закрытого общества, но использование этого приема свидетельствует о том, что делается новый "поворот ключа" в его замке.

* * *

Завершая разговор, стоит подчеркнуть, что мы оказались не готовы посмотреть в глаза отечественной истории и оценить ее без прикрас обыденной и наукообразной мифологизации. И здесь показателен следующий факт: когда в 1996 г. увидели свет результаты социологического опроса на тему, какой из сторон жизни России гордят-

ся ее жители, оказалось, что 75% респондентов назвали российскую историю ("Московский комсомолец". 6 октября 1996 г.). Иначе говоря – прошлым в противовес настоящему. Зададимся, однако, вопросами: чем гордятся эти люди, какой историей – реальной или вымышленной? Насколько хорошо они ее знали? К какой национальности принадлежали респонденты, были ли выявлены особенности отношения к истории России (или СССР) у граждан нерусской национальности? Отсутствие самой постановки таких вопросов свидетельствует об искаженном восприятии этнических процессов русским и российским сознанием, о неадекватном представлении о современных экономических, политических и иных процессах и роли и месте в них России.

Со второй половины 1990-х гг. наблюдается парадоксальная картина: в процессе модернизации (правда, в какой-то степени для ее обоснования) возрождается по сути или используется по форме этноплеменное и конфессиональное сознание, характерное для средневековья. Можно, конечно, утешать себя тем, что "этнонациональная модель" экономики – обоснование места России на мировом рынке, национализм (этнический или государственный) – в данном случае отражает требования нового социума, этноса и государства. Однако следует понять, что в момент, когда необходимо сотрудничество с другими государствами и народами, возрождается именно конфронтационный, конфликтный тип сознания, который служит обоснованием реинтеграционных процессов. При этом часто происходит совершенно неоправданное отождествление племени и этноса с цивилизационной, конфессиональной и политической общностями, что прямо ведет к требованию совпадения государственных границ с этноцивилизационными и, в свою очередь, рассматривается как обретение "справедливости".

Отношение значительной части российского населения и политического класса к событиям на постюгославском пространстве в 1990-е гг., помимо прочего, является прекрасной иллюстрацией парадокса постсоветского сознания, отмеченного исследователями. "Демократия, плюрализм, свобода слова создают возможность дискуссий и тем самым разрушают тоталитарную мифологию. Однако процесс демифологизации парадоксальным образом привел к новому всплеску мифотворчества, ибо привел в движение самые разные слои общества и предоставил возможность самовыражения представителям самых разных идейных течений. В условиях паралича власти и роста социальных антагонизмов это привело к формированию чрезвычайно опасных тенденций, главная из которых – возможность повторного возвращения тоталитаризма", – замечает российский исследователь А. Топорков [Топорков, 2000, с. 62]. Это утверждение не нуждается в дополнениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев С. Драма права. События в Югославии и вопросы права // INDEX. Досье на цензуру. 1999. № 9.

Бонин П. Последние резервы мнимой великой державы. Российская политика на Балканах в 90-е годы // Внешняя политика России: от Ельцина до Путина. Киев, 2002.

Киселев И. Психологические аспекты адаптации России и россиян к новым реальностям меняющегося мира // Мировой порядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г. М., 2000.

Ковалев С. Размышления о Косово-99: Косово, Чечня. Что дальше? // Мировой порядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г. М., 2000.

Косова Л. Балканы и Чечня: испытание чувств // Мировой порядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г. М., 2000.

Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003.

Кулагин В. Восстание ягнят. В российской внешней политике сложилось "двоевластие" // Общая газета. 2002. 21–27 марта.

Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Washington, 1994.

Левандовский А. Миф как средство легитимации власти в России // Мифы и мифология в современной России. М., 2000.

- Левкиевская Е.* Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их сакрализации // Мифы и мифология в современной России. М., 2000.
- Межуев Б.В.* Понятие “национальный интерес” // Политическая наука в России: интеллектуальные поиски и реальность. Хрестоматия. М., 2000.
- Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2003.
- Михайлов М.* Уроки Югославии // Дружба народов. 1995. № 3.
- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в. СПб., 2000.
- Пархалина Т.* Некоторые результаты политики России в ходе косовского кризиса. Что дальше? // Мировой порядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г. М., 2000.
- Петров В.* Россия в XXI веке. Пути возрождения. М., 2001.
- Романенко С.А.* История и историки в межнациональных конфликтах в конце XX века. Почему и как возрождается сознание “закрытого общества”? М., 1997.
- Романенко С.А.* Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000.
- Романенко С., Улуян Ар.* Балканская политика 90-х гг.: в поисках смысла // Pro et Contra. 2001. № 4.
- Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности.* М., 1998.
- Рыжков Н.И., Теткин В.Н.* Югославская Голгофа. М., 2000.
- Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение. Подходы и изучение случаев. СПб., 1999.
- Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000.
- Топорков А.* Миф: традиция и психология восприятия // Мифы и мифология в современной России. М., 2000.
- Хагемейстер М.* Миф о заговоре против России // Миф и мифология в современной России. М., 2000.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // Pro et Contra. 1997. № 2.
- Хевролина В.М.* Власть и общество 1878–1894 гг. М., 1999.
- Шнирельман В.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000.
- Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России. Российский научный фонд, московское отделение. Научный доклад № 20.* М., 1994.
- Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993 гг.).* М., 1993.
- Янов А.Л.* Русская идея и 2000 год. New York, 1988.